

Памяти моих родных, представителей большого рода сибиряков Мельниковых, солдат – защитников Отечества

Не спится и не лежит се-
годня старому солдату
Михаилу Хлебникову. С утра вот
накатило что-то, тревожно-холод-
но стало на душе, беспокойство
вдруг поселилось в ней.

Кроме душевного дискомфорта, появилась боль и физическая. Разом стали беспокоить мелкие осколки, что прижились в теле солдата с давних военных лет. Не стали их тогда извлекать сразу после ранения, так и «осели» они в неподходящих, сильно уязвимых местах. Врачи в госпитале опасались, что их удаление могло вызвать обильное кровотечение, а крови он тогда и так изрядно потерял. Одним словом, оставили осколки тогда до лучших времён. Так и жил, трудился и ходил по земле Хлебников с этим «драгоценным» металлом отгремевшей войны. Часть осколков всё же «вышли» сами, болезненно, но покинули тело, отторг их набирающий силу крепкий молодой организм.

Война стала потихоньку не то чтобы забываться, её не забудешь никогда. А вот те события стали как-то размываться в памяти Хлебникова, отодвигаться на задний план, да и сама память уже не так кровоточила. А вот вчера война вновь напомнила о себе.

Часов около десяти старик вышел за ограду, чтобы посидеть на лавочке. По обыкновению в это время он ждал соседей, дружков-товарищей. Они любили собираться по утрам «у Митрича». Специально для таких мужицких сборов Хлебников давно сделал две скамьи. Друзья рассаживались чинно, неспешно сворачивали самокрутки, или доставали крепкие сигареты, смачно дымили. Вполголоса рассуждали о жизни, говорили о болячках, о местных и мировых проблемах. Часто предавались воспоминаниям, охотно возвращали себя в довоенное время, в те времена, когда они были молоды.

Владимир Иванович ГЕРАСИМОВ, прозаик, поэт, коренной сибиряк. Родился в 1955 году в селе Больше-Песчанка Омской области. Окончил филфак пединститута им. П.П. Ершова. Работал учителем, директором сельских школ, в партийно-хозяйственных органах. Публиковался в журналах и альманахах. Автор десяти книг стихов и прозы. Лауреат премии им. В.И. Муравленко.

Живет в Тюмени.

Говорили, конечно, и о войне. Вспоминали, где и как воевали. С грустью, как-то по особому, вспоминали друзей-земляков, что остались где-то там далеко на полях сражений, на чужбине постылой, всегда говорили и о тех, кто покинул мир уже здесь.

Не успел Хлебников достать кيسет с табаком и бумагой, как напротив него остановилась сельсоветская машина, за рулём которой был сам председатель Александр Петрович Зуев. Оставив машину на обочине, тот, улыбаясь и не торопясь, шел к Хлебникову.

– Доброе утро, Митрич! – крепко, по-мужски поздоровался председатель со стариком.

Зуев был свой, всю жизнь прожил в родном селе. Он долго работал в школе, преподавал историю и географию. Вот уже несколько лет сельчане избирают его председателем Совета. Он всегда и для всех был простым и доступным. И селяне, и Хлебников его сильно уважают. К тому же он был сыном его лучшего друга Петра, тоже фронтовика, и когда-то часто мальцом сиживал на коленях у Михаила. Поэтому и отношения у них были простыми и тёплыми.

– Здорово, старый солдат, – душевно, по-свойски ещё раз поприветствовал председатель старика. – Как дела ветеранские? Как здоровье? Как металл вражеский, не сильно беспокоит?

– Об чём разговор, Петрович! – весело ответил Хлебников. – Они вить тоже устают лежать на одном боку-то. Вот и ворочаются стало быть, чтобы, понимаешь, пролежней не было. Вот тогда и мне весело, впору хоть польку-бабочку наяривай! Бабке спать не даю.

Да что тебе рассказывать. Прекрасно знаешь, как с ними живётся. Батя-то твой тоже из Восточной Пруссии начинённый прибыл. Как, кстати, дружок поживает. Неделю уже не кажет глаз к приятелю старому.

– Да ты знаешь, Митрич, вроде и ничего. Вы ведь теперь, как погода, непредсказуемы. Вчера вот возил в райцентр в больницу, на ноги стал жаловаться, сахар полез, будь он неладен. Вообще сам всё расскажет. Завтра собираются с соседом Плотниковым к тебе. Так что готовься. Что-то всё о списках говорят. Я пока не вникаю. Придёт время, думаю, меня не обойдёте. Придёте, расскажете.

– Дак я маленько в курсе, Петрович. Мы после мая нынешнего и заговорили об этом. Ты посмотри, дело-то какое. Когда памятник в парке нашем поставили, помнишь? Не морщи лоб, значить, не помнишь. А я тебе скажу. Накануне 9 мая 1965 года, аккурат к 20-летию Победы. Знамо дело, в спешке тогда всё делали, поспеть к юбилею старались. Оно и понятно, да и установка с самых верхов была. А памятник всё одно сурьёзный возвели. Крепко встал солдат в парке. Как в войну стояли на фронтах твердо, так и на родине малой встали по всей стране тогда солдаты. От Балтики и до океана Тихого, да и по миру гордо встал наш советский солдат.

Сам знаешь, председатель, на памятнике нашем прописаны золотом земляки, что отдали жизни свои за Отечество. Да вот заковыка, не все прописаны. Многих там нет. А ведь семьдесят лет после войны уже прошло. Чья-то судьба до сих пор неизвестна.

А кого-то и власти не дали в те списки золотом внести тогда.

Время, сам понимаешь, какое было. А сейчас по-другому на это всё смотрят. Все должны быть там, в списках, и в памяти людской достойно стоять. И те, кто плен прошёл и кто без вести сгинул где-то в топях болот. Все, кто не скурвился и с честью вынес всё и жизнь отдал. Все мы должны быть в одном строю. И солдаты, и труженики тыла. Все, кто ковал победу. Вот тогда порядок будет. Справедливо, по-божески будет, все ведь под небом ходим.

Хлебников ненадолго замолчал, стал торопливо что-то искать в карманах пиджака, потом махнул рукой и снова продолжил:

– Вот возьмём, к примеру, Пелагею Воронцову. Скольких она, баба бедовая, проводила тогда на войну эту проклятушу? Правильно. Пять мужиков ушло тогда со двора её. Пять кормильцев и надёжа матери. Вначале муж, Архип Пантелеевич, потом четыре сына-соколика.

А сколько их на памятнике значится? А там прописаны из родовы Воронцовых сам Архип да

Петро, что средний. А где остальные ребята – воины славные. Сгинули где-то на дорогах войны, пропали без вести. И вроде как нет им уже уважения, нет им памяти доброй на родной земле.

Да и сама Пелагея Матвеевна до последнего на полях да фермах колготилась, пользу приносила. Ведь орден высокий за труд получила. Разве не обидно? Ох и обидно женщине – страдалице, да и всей родове их. Вот так-то, уважаемый, дорогой наш председатель, – несколько эмоционально закончил свой продолжительный монолог Хлебников и торопливо стал снова искать что-то в карманах.

– Погодь, Петрович! Тут недавно в журнале стихи прочитал, в аккурат на эту тему, так задело правдой своей, вырезал и сохранил специально. Вот думал друзьям прочитать да так народу показать.

Он наконец нашёл этот листок и протянул Зуеву. Стихотворение с первых строк завладело председателем:

Давно отгремела кроваво война,
Те страшные дни слезою скатились.
Но плачет еще по погибшим страна,
Домой сыновья не все возвратились.

Но смерти страшнее – на многих табу,
На них подозрительно власти смотрели.
За то, что живыми остались в аду
И в лагерных топках тогда не сгорели.

За то, что собаки их рвали тела,
За то, что поля удобряли их пеплом,
За то, что в плену с исчадием зла
Боролись и там исчезали бесследно.

Потом, как «с проказой», нельзя было в строй,
Обида и злость зубами скрипели.

Их судьбы и так раздавило войной,
И здесь страшной смерти вериги висели.

И нет кое-где их славных имён
На памятных стелах и обелисках.
И только вопросы седеющих жен,
И только отчаяние внуков и близких.

А в чём виноват тогда был солдат?
Что раненный сильно в плену оказался,
В беспамятстве был и не видел закат,
И то, что бежать из плена пытался.

Они святой памяти тоже достойны,
И пусть им поклонится низко страна,
И души солдат этих будут спокойны,
Они чашу горя испили до дна.

Прочитав стихотворение, председатель некоторое время молчал. Потом каким-то надорванным голосом произнёс:

– Правдиво, жизненно написано. Прав поэт, должны всем мы поклониться, всех вспомнить, чтобы никто не ушел в забвение. И ты правильно говоришь, Митрич! Всё правильно. Давайте уточняйте и ко мне. Военкомат, органы подключим, архив. Сверимся, уточним все вместе. Надо к весне следующего года пополнить списки, и на День Победы собрать отовсюду всех родственников погибших и пропавших без вести, чьих имён не было на памятнике.

– Вот это верно, председатель, по справедливости будет, – горячо и торопливо заговорил старый солдат.

– Да, Митрич, память – штука серьёзная и всем всё возвращает по заслугам, – тихо, в раздумьях проговорил Зуев и принялся прикуривать. Какое-то время помолчали.

– А я ведь к тебе, Михаил Дмитриевич, специально, с официальным визитом, так скажем, подъехал. И вопрос касается как раз памяти, о чём мы с тобой сейчас говорили. Приятную я тебе весть принёс, солдат. Вчера позвонили из райвоенкомата и администрации и известили нас о том, что из Москвы пришли несколько наград, не врученных нашим землякам по разным причинам в те горячие военные дни. В том числе пришла и твоя награда. Оказывается, ты тогда был награждён орденом Славы. Я не стал уточнять детали, за что награждён и какой степени. Велено через два дня доставить тебя в здравии и при полном параде в районную администрацию. Туда придут высокие чины из области. Вот такой пируэт, Митрич! Я сердечно тебя поздравляю, солдат.

И он крепко, по-сыновьи, прижал к себе поднявшегося со скамьи Михаила Дмитриевича.

Хлебников некоторое время молчал. Снова сел на скамейку.

Слегка дрожащими руками стал сворачивать самокрутку. У него плохо это получалось, и он смял бумагу, сунул её в карман.

знаком попросил у Зуева закурить. Тот подал ему сигарету и поднес зажигалку. Хлебников прикурил, сделал несколько затяжек.

– Вона значить как! Награда, говоришь. Награда – это хорошо, это кстати. Живому-то, понимаешь, их получать сподручней и приятней. Как там всё сейчас пишут-то: «Награда нашла героя!» Хорошо, что нашла. Скоро ведь юбилей затеял встречать – 95 стукнет. А Слава – это хорошо! Наша солдатская, высокая награда. Дюже уважали её в войну.

Он снова замолчал, докуривая сигарету. Потом сказал:

– Как ты, Санька, траву эту куришь? Наверно, химия одна. Ты, брат, лучше брось, коли организма не принимает серьёзное курево. Я и сам бы бросил, но врачаха в областном госпитале, кстати, тоже из наших – фронтовичка и нещадно курит, посоветовала этого не делать. Раз я с войны травлюсь, организм, вишь, не перенесёт этого, и следовательно, мне никаких перспектив не светит. Видишь, он не перенесет. Подумаешь, принц! – шутя закончил Хлебников и опять замолчал.

– А Слава эта за Польшу, скорее всего, за языка сурьёзного, что мы там взяли в конце сорок четвертого, – тихо снова заговорил Митрич. Взять то мы его взяли, но и сами попали уже у передовой в заварушку. Двое погибли, а меня начинило тогда осколками по полной. Так что ребята через передовую, тащили не только языка, но и меня, как куль с добром.

А потом-то, знамо, по госпиталям провалялся. Тут и наши в Берлине о победе громко возвестили, так отсалютовали, весь мир от счастья плакал. Про ту операцию я и забыл тогда совсем, хотя понимал, что награда какая-то должна была быть.

А если честно, не до наград тогда было, хотя грех обижаться, у меня их уже с десятков на груди красовалось. У всех радости было через край. Война закончилась. Живой остался. Домой, на родину, в Сибирь.

И Хлебников снова знаком попросил у Зуева закурить. Видно, что старик волновался.

– Я ведь, Саша, тогда домой-то не сразу возвратился, – тихо стал продолжать старик. – После полного выздоровления, как опытного разведчика, меня направили в особый отдел. Потом были закрытые зоны и работа с военнопленными немцами на восстановлении режимных объектов в Белоруссии, в Украине, в Прибалтике.

Домой я вернулся только в конце сорок девятого, аккурат перед Новым годом. Вот так-то, земляк мой дорогой. – И Хлебников замолчал опять ненадолго. Потом тихо спросил:

– А ты, кстати, знаешь историю, как мы с твоим отцом на фронт-то попали.

– Ведь годами-то мы никак на начало войны не подходили. Не брали нас, да и работы в колхозе было по за глаза. Мужики-то работящи все в вагонах на запад далекий заспешили, супостата воевать. Вся работёнка свалилась на баб да пацанов с девчонками, таких, как мы с твоим отцом.

А на фронт шибко хотелось. Да что там говорить, все годки, да и помлаже нас, рвались туда. А мы с твоим батькой схитрились.

На лето в сельсовет пришла работать за мать девчонка – соседка Манька Кузнецова, она тогда как раз перешла в последний класс. Красиво и грамотно писала, вот ее председатель вместо матери и засадил за канцелярию. А мать-то на полевые работы вместе со всеми наладили.

Вот Маняша по неопытности, с наших слов, накинула нам тогда по году и выдала свежие справки для военкомата. Так, фактически в семнадцать лет весной сорок третьего мы и ушли с твоим отцом, Петром Никаноровичем, на

фронт. Время было горячее, наши во всю жали фашиста по всем фронтам. Свежие силы требовались везде, кто там будет разбираться. А мы парни деревенские, видные, здоровые. С радостью нас приняли на краткосрочное обучение в резервный полк. А потом и фронт.

Вот так-то, председатель.

На том разговор и закончили. Договорились, что о деталях поездки председатель сообщит еще дополнительно. Попрощавшись с председателем, Хлебников заспешил домой. Давно уже подошло время и таблеток, и чая. И его Любовь Андреевна поджидает хозяйна к столу.

* * *

Непростой была судьба и у его Любашки. Познакомились они здесь, в этом сибирском селе. Когда Хлебников вернулся домой после долгого отсутствия, по соседству у тетки Груни Потаповой уже месяц как квартировала очаровательная девушка. Любашка приехала по направлению из области на местный молокозавод лаборантом после курсов. Мать Хлебникова только и говорила о новой лаборантше, только и нахваливала её. И на новогоднем вечере в сельском клубе Хлебников решил брать штурмом эту симпатичную соседку. Ей тоже уже приглянулся кудрявый воин-сосед. А тут оказалось, что Хлебников и гармонист, а какой плясун! Словом, долго не хороводились. Расписались в сельсовете, собрали небольшой

вечер. И всё. И стали жить, как все тогда жили, трудно, но весело.

Любашка тоже была сибирячкой, правда, из далёкого сибирского села в Иркутской области. В августе сорок восьмого года она вместе с группой ребят и девчат из родной области уехала по направлению учиться в ФЗО в далёкий Ленинград, чтобы потом работать на стройках, восстанавливать разрушенный войной и блокадой город-герой.

Но прочуввшись полгода, она дальше не могла находиться в Ленинграде. Перенесенная в годы войны болезнь легких серьёзно обострилась в сыром и промозглом климате. Девушка постоянно болела, кашель просто разрывал лёгкие. Врач, что наблюдал и лечил Любашку, посоветовал ей срочно сменить климат, вернуться домой в Сибирь. Он же и помог ей

это осуществить. И несмотря на то что в то время вопрос перемещения трудоспособного населения решался непросто, со справкой врачебной комиссии она получила перевод. Правда, в родную Иркутскую область ей тогда так и не удалось вернуться. Она получила направление в Омск.

– Ну и пусть будет Омск, –

решила Любашка, – всё ближе к дому, и климат свой, сибирский.

В Омске её направили на курсы в школу мастеров маслоделия для обучения на лаборанта молочного производства. А потом она попала в это большое сибирское село на окраине области, где была и работа, и где она нашла свою судьбу.

* * *

Скрипя крыльцом и половицами в сенях, Хлебников степенно вошёл в свой небольшой, но по-простому ухоженный пятистеночек. Раньше, когда все при нём жили, тесновато было. Выросли дети, разлетелись, а им с женой и этого теперь вполне достаточно, и гостей летом есть где разместить.

Его Любовь Андреевна сидела за столом. На нём красовался пестухом расписным чудный электрический самовар, подаренный детьми роителям на какой-то юбилей. Жена, подперев по обыкновению рукой голову, смотрела в окно и слушала песню, что лилась из приемника на стене.

– Доброго здоровья, баушка, – весело приветствовал жену Хлебников, – как спалось – ночевалось?

– Да виделись однако уже. А ты что, как кочет молодой, перья-то распушил. Опять, поди, соседке, фершалше молодой, дрова помогал в поленницу класть, а она плеснула тебе медицинского для ран душевных. Смотри, старый, приходишь по помочам, с претензиями придут, – так же весело, в тон мужу ответила Андреевна.

– И что такой солнечный с утра, батюшка. Али в лотерею вы-

играл, али письмо от внуков получил?

– А что мне, подруга, не веселиться. Живой покуда. Солнышко вон пригреват, на огородах всё растёт, природа радует, ты вот рядом. Дети, внуки, слава Богу, живы-здоровы, все при деле.

А весело – радостно мне от того, что весть хорошу привёз сейчас председатель наш Санька Зуев, крестничек дорогой. И надо же, аккурат к юбилею. Теперь точно не буду поспешать в дорогу скорбную.

– Да говори ты толком, порадуи и меня весточкой доброй. Что заладил, как понамарь, одно и то же, – стала уже было сердиться Любовь Андреевна.

– Охолонь, старая, всё по порядку. Готовь костюм мне парадный, да так, чтоб ордена – медали блестели, как вот самовар твой. Через пару днёв повезут меня в администрацию районну, где меня ждёт – дожидается награда серьёзная – орден Славы, наш солдатский орден. С самой Москвы, вишь, с оказией прислали.

Да, да, мать! Оказывается, еще с войны награда, а сейчас вот нашла меня. Хорошо, что застала. – И Хлебников подсел к столу и замолчал.

– Вона как! Вот это новость. Да ты, батюшка Михаил Дмитриевич, и взаправду герой. И так вся грудь в орденах и медалях, не стыдно с тобой по селу пройтись в праздники. А тут ещё и Слава.

Как ребятишки-то наши с внучатами возрадуются за отца и деда своего. И пусть гордятся. Ты кровью на войне заслужил это уважение. И после работал до послета, куда ни пошлют.

Она не торопясь подошла к мужу, прижала его седую давно голову и тихо сказала:

– Я рада за тебя, старый. Спасибо тебе, дорогой мой солдат. Мы все гордимся тобой и шибко любим тебя, отец! И она нежно поцеловала Хлебникова в шрам на правой стороне головы, что остался после операции по удалению осколков из черепа еще с войны.

Они долго молчали, и было видно, что каждый старается справиться с волнением и воспоминаниями, что вдруг подступили к их сердцам и памяти.

